

С. В. БЕРЕЗКИНА

ИСТОРИКО-ФОЛЬКЛОРНЫЕ ИСТОЧНИКИ
«ПЕСЕН О СТЕНЬКЕ РАЗИНЕ» А. С. ПУШКИНА

Цикл «Песни о Стеньке Разине», состоящий из трех стихотворений, был написан А. С. Пушкиным в Михайловском в 1824—1826 годах. Произведение дошло до нас в копии М. П. Погодина, переписавшего его, по-видимому, в конце 1826—начале 1827 года.¹ В это время Погодин активно общался с Пушкиным, стремясь привлечь его к сотрудничеству в своем «Московском вестнике»; на публикацию в нем «Песен» он и рассчитывал. Публикация не состоялась вследствие цензурного запрета. «Песни о Стеньке Разине, при всем поэтическом своем достоинстве, по содержанию своему не приличны к напечатанию. Сверх того церковь проклинает Разина, равно как и Пугачева», — писал по этому поводу Пушкину А. Х. Бенкендорф.² «Песни о Стеньке Разине» были напечатаны только в 1881 году.

По вопросу о датировке произведения существует значительный разброс мнений: январь—август 1826 года,³ сентябрь 1824—август 1826 года (3, 129), август 1826 года.⁴ С. А. Фомичев предложил такую датировку произведения: конец февраля—начало марта 1825 года — первая и третья песни, октябрь (после 12) 1826—июль (не позднее 20) 1827 года — вторая песня цикла.⁵ К сожалению, им не были учтены все высказывания М. П. Погодина о пушкинском произведении. Из них следует, что из михайловской ссылки поэт привез в Москву цикл в полном составе (не менее трех стихотворений). М. П. Погодин был среди слышавших его осенью 1826 года.

12 октября в московском доме Веневитиновых состоялся литературный вечер. Погодин писал о нем в своем дневнике: Пушкин «у Веневитиновых — читал песни, коими привел нас в восхищение. Вот предмет для романа: поэт в обществе. Наконец прочли „Годунова“. Вот истина на сцене. Пушкин! ты будешь синонимом нашей литературы. Какие положения!».⁶ Что за песни имелись в виду автором дневника, прояснили его «Воспоминания о Степане Петровиче Шевыреве» (1869), при создании которых мемуарист использовал свои дневниковые записи: на вечере у Веневитиновых Пушкину «было приятно наше внимание. Он начал нам, подавая пару, читать песни о Стеньке Разине,

¹ Хранится в Отделе рукописей Института русской литературы (Пушкинский Дом), ф. 244, оп. 4, № 120.

² Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1937. Т. 13. С. 336. Далее ссылки на это издание см. в тексте (первая цифра указывает том, вторая — страницу).

³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. (Прилож. к журн. «Красная нива» на 1930 г.). М.; Л., 1930. Т. 2. С. 117—118.

⁴ Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина (1813—1826). М.; Л., 1950. С. 515—517. Poleмику с Благим по поводу датировки «Песен» см.: Салуфере М. Из комментариев к текстам А. С. Пушкина // Сборник студенческих научных работ: Русская филология. Тарту, 1963. Вып. 1. С. 53.

⁵ Фомичев С. А. «Песни о Стеньке Разине» Пушкина: История создания, композиция и проблематика цикла // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1989. Т. 13. С. 14—17.

⁶ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1985. Т. 2. С. 13.

как он выплывал ночью по Волге на остроносой своей лодке...».⁷ Видимо, вскоре после этого вечера Погодин и списал произведение, причем почерк, которым сделана копия, Я. К. Грот охарактеризовал как почерк «молодого Погодина».⁸ 29 марта 1837 года в письме к П. А. Вяземскому, интересуясь тем, найдены ли в бумагах покойного поэта некоторые из его неопубликованных сочинений, Погодин сообщал: «Песни о Стеньке Разине» были представлены в Цензуру в 1828, кажется, году (это было в 1827 г. — С. Б.).⁹ По сообщению Я. К. Грота, погодинская копия была найдена им в архиве П. А. Плетнева.¹⁰ Возможно, что Погодин, получив сообщение о том, что «Песни» в бумагах поэта не обнаружены, послал свою копию, которая и осела в архиве одного из издателей посмертного собрания пушкинских сочинений.

В 1855 году на полях книги П. В. Анненкова «Материалы для биографии Пушкина» Погодин записал: «Несколько песен о Стеньке Разине он читал нам после „Бориса Годунова“ в 1826 г. Они посланы графу Бенкендорфу в 1828 г. (...) Песни о Разине написаны были, кажется, Пушкиным на основании народных песен».¹¹ Слова «несколько песен о Стеньке Разине», принадлежащие столь авторитетному в вопросе о них мемуаристу, не оставляют места для сомнения в том, что на вечере у Веневитиновых Пушкин читал цикл, состоявший не из двух, как считает Фомичев, а по меньшей мере из трех песен.

По предположению М. К. Азадовского, толчком к созданию «Песен о Стеньке Разине» послужило знакомство поэта с книгой Н. И. Гнедича «Простонародные песни нынешних греков» (СПб., 1825), полученной в Михайловском в феврале 1825 года¹² (см. письмо Пушкина к Гнедичу от 23 февраля 1825 года — 13, 145). В ней был дан перевод греческих разбойничьих (клефтических) песен; им предшествовало предисловие, в котором в форме вольного изложения идей французского филолога К. Ш. Фориеля развивалась теория взаимопроникновения фольклорных мотивов разных народов. Книга «Простонародные песни нынешних греков» была высоко оценена поэтом. Однако некоторые теоретические соображения Гнедича вызвали несогласие Пушкина, остро ощущавшего национальную самобытность как литературы, так и фольклора, ускоренных «в климате, образе правления, вере» того или иного народа (11, 40; см. также письмо Пушкина к брату от 14 марта 1825 года — 13, 152). «Своеобразным откликом на простонародные песни греков» назвал разинский цикл Пушкина С. А. Фомичев.¹³ Это определило данную им датировку произведения, а именно — первой и третьей песен цикла (см. выше). Между тем при таком подходе несколько затушевывается огромное значение жизненных впечатлений, полученных поэтом в Михайловском. Здесь произошла его встреча с подлинным миром русского фольклора, многое определившая в дальнейшей эволюции творчества Пушкина (жанровый состав, художественная палитра, круг любимых поэтом идей и тем). Не книжные впечатления, а непосредственное восприятие народных русских сказок, песен, преданий дало импульс, приведший к рождению у Пушкина разинского цикла. Такой вывод можно сделать на основании письма к брату, написанного в первых числах ноября 1824 года (здесь впервые упоминается имя Стеньки Разина): «Знаешь ли мои

⁷ Там же. С. 29.

⁸ Грот Я. К. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники: Статьи и материалы. 2-е изд., доп. СПб., 1899. С. 189.

⁹ Цяловский М. А. Заметки о Пушкине. 4: Погодин о «посмертных» произведениях Пушкина // Звенья. М., 1936. Т. 6. С. 153.

¹⁰ Грот Я. К. Пушкин... С. 189.

¹¹ Цяловский М. А. Замечания М. П. Погодина на «Материалах для биографии Пушкина» П. В. Анненкова // Лит. наследство. М., 1958. Т. 58. С. 355.

¹² Азадовский М. К. Литература и фольклор: Очерки и этюды. Л., 1935. С. 28—40.

¹³ Фомичев С. А. «Песни о Стеньке Разине» Пушкина. С. 15.

занятия? до обеда пишу записки, обедаю поздно; пос (ле) об.(еда) ежду верхом, вечером слушаю сказки — и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма! ах! боже мой, чуть не забыл! вот тебе задача: историческое, сухое известие о Сеньке Разине, единственном поэтическом лице Рус.(ской) Ист.(ории)» (13, 121). Письмо свидетельствует о возникновении у Пушкина острого интереса к личности Разина; с него и должна начинаться датировка (а она не может не быть предположительной) «Песен», которую следует ограничить временем михайловской ссылки (т. е. цикл был написан в ноябре 1824 года—августе 1826 года). Попытка дать более узкую датировку произведения, на мой взгляд, не может привести к убедительному во всех отношениях результату.

С. А. Фомичев заметил, что ошибка в написании Пушкиным имени Разина (Сенька вместо Стенька) характерна не только для письма к брату, но и для двух исторических песен о нем, записанных поэтом в рабочей тетради ПД 836 в ноябре—декабре 1824 года.¹⁴ Тексты «В городе-то было во Астрахане» и «Как по утренней заре, вдоль по Каме по реке»,¹⁵ конечно, не исчерпывали всего, что услышал Пушкин о Разине в Михайловском, поскольку их содержание трудно согласовать с восторженной характеристикой, данной этому герою в ноябрьском письме к брату (кстати, собственно о Разине речь идет лишь во второй песне, в первой же говорится о его «сынке»). Правка в записях песен, устранявшая из них анахронизмы, свидетельствовала о зародившемся при первой же встрече с разинским репертуаром намерении поэта трансформировать фольклорное предание посредством «исторического, сухого известия» об этом герое: в записях «губернатор» был заменен Пушкиным на «воеводу», а «штабные офицеры» — на «бояр». Таким образом, характерный для Пушкина-романтика интерес к «разбойничьей» теме (см., например, его неоконченную поэму 1821—1822 годов «Братья разбойники») получил в Михайловском свое конкретно-историческое и фольклорное наполнение.

Фомичев пишет: «Судя по тому, что в последующих письмах к брату Пушкин не повторяет своей просьбы, какой-то исторический источник о Разине поэту вскоре был прислан».¹⁶ По указанию Л. Н. Майкова, источником первой песни разинского цикла послужила для поэта книга голландца Я. Я. Стрейса (Struys, 1630—1694) «Три путешествия».¹⁷ В пушкинское время она была редкостью, поэтому, видимо, верным является предположение Д. Д. Благого о том, что Пушкин познакомился с книгой Стрейса в отрывках, переведенных А. Ф. Корниловичем и напечатанных в 1824 году в журнале «Северный архив».¹⁸ Стрейс писал: «В другой раз мы видели его (Разина. — С. Б.) на шлюпке, раскрашенной и отчасти покрытой позолотой, пирующего с некоторыми из своих подчиненных. Подле него была дочь одного Персидского Хана, которую он с братом похитил из родительского дома во время своих набегов на Кавказ. Распаленный вином, он сел на край шлюпки и, задумчиво поглядывая на реку, вдруг вскрикнул: „О Волга славная! ты доставила мне золото, серебро и разные драгоценности, ты меня взлелеяла и вскормила, ты начало моего счастья и славы, а я, неблагодарный, ничем еще не воздал тебе. Прими же теперь достойную тебя жертву!“ С сим словом схватил он несчастную Персиянку, которой все преступление состояло в том, что она покорилась буйным желанием разбойника, и бросил ее в волны.

¹⁴ См.: *Иезутова Р. В.* Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 836: (История заполнения) // Пушкин. Исследования и материалы. СПб., 1995. Т. 14. С. 134.

¹⁵ Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты / Комментар. М. А. Цявловского, Л. Б. Модзалевского, Т. Г. Зенгер. М.; Л., 1935. С. 453—454.

¹⁶ *Фомичев С. А.* «Песни о Стеньке Разине» Пушкина. С. 10.

¹⁷ *Майков Л. Н.* Пушкин: Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб., 1899. С. 156.

¹⁸ *Благой Д. Д.* Творческий путь Пушкина (1813—1826). С. 518—519.

Впрочем, Стенька приходил в подобное иступление только после пиров, когда вино затемняло в нем рассудок и воспламеняло страсти. Вообще он соблюдал порядок в своей шайке и строго наказывал прелюбодеяние». ¹⁹

Опубликованные в 1956 году «Записки» голландца Л. Фабрициуса (L. Fabricius, 1648—1729), так же как и Стрейс бывшего очевидцем разинского бунта, подтвердили достоверность этого происшествия, прояснив лишь некоторые его детали: человеческая жертва была принесена Разиным после явления ему во сне «водяного бога Ивана Гориновича». ²⁰

В русском фольклоре песня на этот сюжет неизвестна. Народные предания о расправе Разина с любовницей носят легендарно-сказочный характер. Первая запись такого рода была сделана Н. И. Костомаровым, по-видимому, в конце 1840-х—начале 1850-х годов в Нижнем Поволжье: «Плыл... Стенька по морю на своей чудесной кошме, играл в карты с казаками, а подле него сидела любовница, пленная персиянка. Вдруг сделалась ужасная буря.

Товарищи говорят ему:

— Это на нас море рассердилось. Брось ему полонянку. Нечего делать.

Стенька бросил ее в море, и буря утихла». ²¹

В 1870-х годах Д. Н. Садовников записал в Самарской губернии сказку, в которой есть такой эпизод: «И задумал Стенька переправиться в отдаленную дорогу, на Балхинско черное море, на зеленый Сиверский остров; и думает Стенька про свою молодую жену, княгиню: „Куда же я ее возьму с собой? Неужели мне, удалцу, там жены не будет?“ Разостлал Стенька платок, посадил двух девок с собой; под служащих — большой ковер... Плыли они путину, молодая его жена сказала: „Куда ты меня завезешь?“ — „А не хочь ты со мной ехать, полетай с платка долой!“ Словом ее огорошил, — княгиня полетела вплоть до дна». ²²

В устах народных сказителей такие поступки объяснялись колдовством Разина: «Стенька Разин был колдуном» или «Пугачев с Ермаком были великие воители, а Стенька Разин... еретик — так, пожалуй, и больше, чем воитель». ²³

Книжная традиция, связанная с изложением эпизода «Атаман и полонянка», носит иной, нежели в фольклоре, характер. Первую попытку его поэтизации следует видеть в изложении декабриста Корниловича, значительно смягчившего рассказ Стрейса о кровавом разинском бунте. По Стрейсу, также с изменением ряда психологических деталей и приукрашиванием события, сделано его изложение в книге Костомарова «Бунт Стеньки Разина»; эта книга, издававшаяся трижды в течение нескольких лет (1858, 1959, 1863), пользовалась огромной популярностью и, видимо, способствовала обогащению репертуара народных сказаний о Разине. Запись П. И. Якушкиным предания на сюжет «Атаман и полонянка», сделанная в 1860-х годах в Астраханской губернии, как нам кажется, несет на себе следы костомаровской интерпретации. ²⁴ В 1883 году Садовников создал на этот сюжет стихотворение «Из-за острова на стрежень», ставшее популярнейшей народной песней. В ней человеческая жертва, принесенная Разиным Волге, представлена как одно из проявлений вольнолюбивого и безудержного в своих проявлениях русского характера. ²⁵

¹⁹ Путешествия. Ян Янсен Стрейс // Северный архив. 1824. Апрель. № 7. С. 31—32.

²⁰ Записки иностранцев о восстании Степана Разина / Под ред. А. Г. Менькова. Л., 1968. С. 47. См. также с. 75.

²¹ Костомаров Н. И. Бунт Стеньки Разина. М., 1863. С. 88—89.

²² Цит. по: Песни и сказания о Разине и Пугачеве / Вступ. ст., ред., примеч. А. Н. Лозановой. М.; Л., 1935. С. 104.

²³ Там же. С. 31, 110.

²⁴ Якушкин П. И. Сочинения / Вступ. ст., коммент. З. И. Власовой. М., 1986. С. 319—321.

²⁵ О других историографических и литературных интерпретациях эпизода см.: Сменцовский М. Н. Степан Разин в науке, литературе и искусстве: Библиографический указатель с краткими аннотациями, по 1 января 1930 г. // Каторга и ссылка. 1932. № 7. С. 193—239; № 8—9. С. 309—366.

Интерес Пушкина к сюжету «Разин и полонянка» лежал в русле историографических, фольклористических и литературных устремлений, берущих свое начало в декабризме. Это определило поэтизацию интерпретаций сюжета, призванных «оправдать» убийство Разиным женщины. У Садовникова это было осуществлено на пути психологизированной прорисовки события. В его произведении гневное иступление Разина было вызвано насмешками товарищей («Нас на бабу променял»). Широта русского характера явным образом восхищает Садовникова («Ничего не пожалею!»). Этими художественными мазками автор произведения стремился несколько смягчить в глазах читателя истинный смысл деяния Стеньки Разина, которое мы можем охарактеризовать словами «языческое жертвоприношение». «Не видала ты подарков От донско-го казака», — с такими словами обращается к Волге герой Садовникова.²⁶

Пушкин в работе над эпизодом «Разин и полонянка» пошел по иному и, надо сказать, наитруднейшему пути. В его песне «Как по Волге реке, по широкой» нет никаких психологических деталей, которые бы подготовили собой совершение Разиным убийства. Атаман не пьян (как у Стрейса) и не раздражен товарищами (как у Садовникова). Полонянка не вызывает в нем того раздраженного чувства, которым наделили убийцу некоторые народные рассказчики. Этого в песне Пушкина нет. В ней есть лишь Стенькино восхищение красотой матушки-Волги и сыновняя благодарность к ней. Однако из этого сплава самых благородных человеческих чувств восстает зверь, убийца. Парадокс искусства Пушкина заключается в том, что Стенька в его изображении истинно прекрасен:

«Ой ты гой еси, Волга, мать родная!
С глупых лет меня ты воспоила,
В долгу ночь баюкала, качала,
В волную погоду выносила,
За меня ли молодца не дремала,
Казаков моих добром наделила,
Что ничем тебя еще не дарили».
Как вскочил тут грозен Стенька Разин,
Подхватил персидскую царевну,
В волны бросил красную девицу,
Волге-матушке ею поклонился

(3, 23)

Из какой глубины своего художественного сознания мог извлечь Пушкин такое сочувствие переживаниям убийцы, движимого, как ни странно, благодарностью и любовью к стихии? Ответ на этот вопрос попробуем найти в двух документах, уже приведенных нами в настоящей статье.

В письме к брату (1824) Пушкин охарактеризовал Разина как «единственное поэтическое лицо Рус.(ской) Ист.(ории)». Значит ли это, что ее прочие персонажи представлялись поэту прозаичными и не были способны увлечь за собой его творческое воображение? Отнюдь. Одна из самых ярких сторон гения Пушкина — это его чувство отечественной истории. В ней поэт различал немало привлекательных в творческом плане тем, образов, сюжетов. В декабре 1824 года он под влиянием чтения «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина начал работу над «Борисом Годуновым». В 1836 году, отвечая на скептицизм в отношении русской истории П. Я. Чаадаева, Пушкин писал: «Войны Олега и Святослава и даже удельные усобицы — разве это не та жизнь, полная кипучего брожения и пылкой и бесцельной деятельности, которой отличается юность всех народов?». Далее, перечислив волнующие его исторические сюжеты, поэт воскликнул: «...как, неужели все это не история, а лишь бледный и полузабытый сон?» (16, 172, 393). Таким образом, ни в

²⁶ Садовников Д. Н. Избр. произведения / Сост., вступ. ст., примеч. В. Н. Болдырева. Саратов, 1989. С. 33—35.

1824 году, ни позднее у Пушкина не было нигилистического отношения к отечественной истории. Видимо, он употребил слово «поэтическое» в отношении «лица» Стеньки Разина в ином, устаревшем значении, характерном для языка его эпохи: поэтический, т. е. принадлежащий поэту (случаи такого словоупотребления зарегистрированы в словаре Пушкина).²⁷

Стенька Разин как поэт — вот смысл его характеристики в ноябрьском письме Пушкина к брату 1824 года. Какая-то особость поведения Разина (а Пушкин с лицейских лет усвоил себе мысль о необычности всего, что связано в жизни с поэтическим даром) поразила михайловского затворника. Это он ощутил сквозь вековую толщу фольклорных сказаний и, по-видимому, передал герою своего стихотворного цикла.

Отзвуки каких-то суждений Пушкина об этом замысле нашли свое отражение и на страницах дневника Погодина: «Вот предмет для романа: поэт в обществе». Совершенно не случайно Погодин употребил здесь слово «роман». Существуют свидетельства Н. М. Языкова и С. П. Шевырева о работе Пушкина над поэмой о Разине, относящиеся к 1828 и 1832 годам.²⁸ Вероятно, поэт был очень увлечен этим образом и хотел продолжить работу над ним в произведении большой формы. Похоже, что о своих творческих планах он говорил и осенью 1826 года. С ними (или же просто с любознательностью Пушкина) был связан и его интерес к книжным раритетам, посвященным истории разинского бунта (на эту сторону московской жизни Пушкина 1826—1827 годов справедливо обратил внимание С. А. Фомичев).²⁹

Поэтическая личность Стеньки Разина является в первом же стихотворении пушкинского цикла. Проникновенной поэзией исполнено его обращение к Волге, материнский образ которой был в системе русского фольклора не просто олицетворением, но и глубоко архаическим воспоминанием о русской языческой древности. Художественное творчество и языческое служение «стихиям мира» имеют в своей онтологической глубине единую основу: доступная художнику красота мира требует жертвы (акты творения), и в этом скрыта потенциальная возможность сопоставления творчества с религиозно-мистическими переживаниями язычника. Потребность славословия, хвалы, благодарения составляет сущность любого религиозного мироощущения. Весь вопрос в том, как и кому (каким высшим силам) изливает свой дар человеческая душа. То, что удержать в себе колоссальную духовно-творческую энергию художника невозможно, Пушкин хорошо знал по своему опыту. Мысленно он наделил этим Стеньку Разина, представив его «единственным поэтом» средневековой Руси. Однако душа пушкинского героя не может успокоиться в гимне, пропетом водной стихии. Поэтическая и глубоко религиозная натура Стеньки требует большего: она умиротворяется, лишь совершив жертвоприношение, и эта жертва Волге — женщина. Пушкин поразительно чуток к онтологической сердцевине фольклорного мировосприятия, пронизанного языческими симпатиями. Это позволило поэту «оправдать» поступок Разина. При этом следует учесть одну характерную черту эстетики пушкинского времени: поэтов она наделяла некоей возвышающей их над миром общностью судьбы («союз поэтов» у Пушкина-лицеиста — это одна из возможных формул, выражающих подобное убеждение). Именно поэтому симпатии автора цикла явно на стороне Стеньки Разина, получившего в художественном сознании Пушкина весьма своеобразную интерпретацию.

«Поэт в обществе» замечателен своей любовью к жесту, неожиданному и яркому поступку, «красному слову». Пушкин выбирает в фольклорно-истори-

²⁷ Словарь языка Пушкина: В 4 т. М., 1959. Т. 2. С. 629.

²⁸ Письма Н. М. Языкова к родным за дерптский период жизни (1822—1829). СПб., 1913 (Языковский архив, вып. 1). С. 353 (письмо Н. М. Языкова от 7 марта 1828 г.); Лит наследство. М.: Л., 1934. Т. 16—18. С. 750 (письмо С. П. Шевырева к С. А. Соболевскому от 6 октября 1832 г.).

²⁹ Фомичев С. А. «Песни о Стеньке Разине» Пушкина. С. 5—7.

ческой судьбе Стеньки эпизоды, наиболее броские с точки зрения их эффектного выражения. В основе второго стихотворения цикла «Песни о Стеньке Разине» лежит народное предание, имеющее сложную историю как в фольклористической литературе, так и в историографии. Впервые оно было напечатано Погодиным в публикации «О Стеньке Разине : Отрывок из хронографа, сообщенный К. И. Авериним» в 1841 году: « И между тем воевода Астраханский, видя у Разина многие богатства и драгие вещи, овогда ласканием, а иногда и грозою от него получил, что уже тому Разину было и небезобидно. Уж он часто ему упоминал, чтоб он его вскоре отправлял в Москву, но воевода той, завидуя богатствам его, день ото дня продолжал его отправление. И некогда тому воеводе случилось быть на судне при веселом подпитии; Разин той в то время имел при себе шубу дорогих соболей, также покрытую дорогою персидскою парчою, которая воеводе зело понравилась, начати ее просити, он, Разин, ему на то досадно отвеща, понося его лакомства. Но воевода ему тако сказал: когда ему шубы не подарит, то он знает, что с ним сотворить, чтобы в приезде его, Разина, тамо может он, воевода, добро и зло ему Разину устроить. И тако той Разин, хотя и нехотя, но якобы принужден ту шубу ему отдать; с великим ярим сердцем и злою мыслью скинув с себя тою и отдав ему, рек еще: возьми, брат, шубу, только не было б в ней шуму».³⁰

Современное местонахождение хронографа Аверина неизвестно; иных публикаций на его основе сделано не было.³¹ Видимо, хронограф утерян, и это не может не вызвать сожаления: в части, связанной со Степаном Разиным, он был уникален. Это показало исследование А. Н. Лозановой, в котором был дан анализ сообщений летописцев о Разине. Круг охваченных ею источников далеко не полон. Нам пришлось расширить его за счет летописей Ключаревской и Самовидца, Лахутинской Степенной книги и ряда других материалов, однако вывод, к которому пришла Лозанова, подвергнуть сомнению не удалось: аверинский хронограф фольклорен, поскольку из него «исчезла ... ярко отрицательная оценка событий и их действительных лиц, столь характерная для письменных памятников о Разине... Хронограф этот может быть отнесен к первой половине XVIII в. Им заканчивается письменная ... история о Стеньке Разине».³² Таким образом, отрывок из аверинской рукописи находится как бы на границе, отделяющей летописный источник от фольклорного.

Интересен хронограф Аверина и своими временными смещениями; в нем после эпизода с шубой сразу следует расправа Разина с воеводой князем Прозоровским. Странно, что, публикуя его, Погодин не дал этому комментарий, который мог бы почерпнуть в любом из известных иностранных описаний (Стрейс, Бултер, Вебер): после Астрахани Разин со своими «работничками» побывал на Дону, взял Царицын и лишь затем вернулся в Астрахань, где и убил воеводу. Именно нарушение последовательности событий в хронографе настоятельно А. Н. Попова, первого из историков, привлечшего этот источник к своему исследованию и выразившего сомнение относительно «справедливости» сообщенного в нем известия.³³ Красочно пересказал предание и Костомаров, который, впрочем, оговорился: «...сказание, передающее этот случай, изобилует анахронизмами».³⁴ Из этих примеров видно, что историками довольно рано была понята нетипичность (фольклорность) аверинского хронографа, принятого тем не менее в свод исторических сведений о Разине.

Собственно фольклористическая история преданий была несколько сложнее. Лишь одному собирателю удалось записать его в народной среде. Это был

³⁰ Москвитянин. 1841. Ч. 4. № 7. С. 167.

³¹ См.: Библиография русского летописания / Сост. Р. П. Дмитриева. М.; Л., 1962.

³² Лозанова А. Н. К истории развития легенды: Первоначальные повествования о Степане Разине // Учен. зап. Саратовского гос. ун-та. Т. 5, вып. 2. Педфак. Саратов, 1926. С. 188—189.

³³ Попов А. Н. Исследование возмущения Стеньки Разина. М., 1857. С. 56.

³⁴ Костомаров Н. И. Бунт Стеньки Разина. С. 90.

Якушкин, сосланный в 1860-х годах в Астраханскую губернию (впервые напечатано в 1868 году в «Отечественных записках»)³⁵ У Якушкина мы сталкиваемся с тем же анахронизмом, что и в аверинской рукописи: после истории с шубой сразу же следует расправа с воеводой. Чем это объяснить? Вероятнее всего, что в рассказ о подлинном историческом событии (т. е. о Стеньке и его шубе) были внесены «анахронизмы» в самой народной среде под влиянием общефольклорных законов, согласно которым сюжетные детали, отдалявшие развязку, устранялись как не имеющие отношения к основному событию. Думаю, что произошло это еще до составления аверинского хронографа, который включил в себя рассказ, перестроенный по фольклорным законам.

О широком бытовании в народной среде рассказов о Стенькиной шубе свидетельствует пословица «Возьми шубу, да не было бы шуму», зарегистрированная в Словаре В. И. Даля.³⁶ Однако можно ли это отнести к пушкинскому времени? По-видимому, да, и доказательством этого может служить вторая песня разинского цикла Пушкина, которая создавалась именно на основе фольклорного источника. Это редкий в истории литературного фольклоризма случай, когда художественное произведение указывает на место и время бытования конкретного народно-поэтического сюжета, запись которого была сделана значительно позднее. Несмотря на некоторый риск такого утверждения, оно представляется более основательным, чем гипотеза, выдвинутая С. А. Фомичевым. По его предположению, песня Пушкина о Стенькиной шубе была создана в 1826—1827 годах в Москве, когда поэт смог познакомиться через Погодина с аверинским хронографом.³⁷ Эта гипотеза нуждается в дополнительной аргументации, поскольку никаких следов более раннего знакомства Погодина с этим документом не существует, напечатан же он был только в 1841 году. Между тем фольклорный характер сообщения хронографа не вызывает сомнения, и вероятнее всего, что оно долго ходило из уст в уста, прежде чем попало на страницы летописца.

Итак, вторая песня разинского цикла Пушкина служит доказательством бытования на псковской земле в 1820-х годах сказания о Стенькиной шубе. Отсутствие его записи в архиве поэта лишает нас возможности понять, каким образом произошла трансформация фольклорного текста в литературное произведение. Впрочем, некоторая возможность для реконструкции фольклорного памятника на основании стихотворения Пушкина все-таки имеется. Псковское предание о Стенькиной шубе, судя по песне Пушкина, имело ряд характерных особенностей, отличающих его от сообщенного в аверинском хронографе. Прежде всего это причина, приведшая Разина в «Астрахань-город»: он пришел туда «торговать товаром». Воспоминание о том, что в Астрахань Разин вернулся из персидского похода после прощения, дарованного ему царем Алексеем Михайловичем, было здесь утрачено. Ни в записи Якушкина, ни в хронографе Аверина мотивировки, подобной пушкинской, нет, а значит, мы с большой степенью вероятности можем отнести ее к местным, псковским особенностям этого предания.

Во второй песне разинского цикла Пушкина примечательна еще одна черта. В ней Стенькина угроза воеводе остается нереализованной. Трудно поверить, что на Псковщине поэт столкнулся со столь редким по своим особенностям преданием, в котором фольклорный закон лаконичной стремительности и завершенности действия был бы столь явным образом нарушен. Между тем об убийстве Разиным астраханского воеводы Пушкин несомненно знал (об этом упоминается в одной из двух народных песен, записанных им в

³⁵ Якушкин П. И. Сочинения / Вступ. ст., коммент. З. И. Власовой. М., 1986. С. 319—321.

³⁶ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1935. Т. 4. С. 667.

³⁷ Фомичев С. А. «Песни о Стеньке Разине» Пушкина. С. 14—17.

Михайловском). По предположению Фомичева, Пушкин был знаком и с песней «Что повыше было города Царицына» из собрания Чулкова, где есть упоминание об убийстве воеводы.³⁸ Вероятнее всего, что это было и в псковском предании, услышанном Пушкиным. Причиной, вследствие которой он оставил кровавую развязку без творческого применения, могли быть опасения чисто цензурного характера. Возможно, впрочем, что Пушкин просто «выправил» народное предание, опираясь на публикацию Корниловича: в переведенных им отрывках из книги Стрейса подробно рассказывалось о вполне мирном пребывании Разина в Астрахани в 1669 году (именно тогда была принесена в жертву матушке Волге дочь персидского хана). Лишь по выходе из этого города начался кровавый разинский поход, названный в советской историографии «народной войной». Нельзя не заметить, что Пушкин здесь шел по пути, к которому впоследствии вынужденно обратились и А. Н. Попов и Н. И. Костомаров: редактирование народного сказания о стенькиной шубе посредством отделения от него несвоевременной кровавой развязки. При этом источники у них были разные: у историков Попова и Костомарова — публикация «Московитянина», у Пушкина — подлинное народное предание, услышанное им на псковской земле.

История с шубой — поворотный пункт в жизни пушкинского героя:

Стал Стенька Разин
Думати думу:
«Добро, воевода,
Возьми себе шубу,
Возьми себе шубу,
Да не было б шуму».

(3, 24)

Именно здесь происходит превращение «астраханского гостя» в страшного бунтовщика — начинается разинский поход по югу России. Композиционно этому соответствует третья песня цикла Пушкина. Фольклорные аналоги стихотворения «Что ни конский топ, ни людская мольвь» неизвестны:

Что ни конский топ, ни людская мольвь,
Ни труба трубача с поля слышится,
А погодушка свищет, гудит,
Свищет, гудит, заливаётся.
Зазывает меня, Стеньку Разина,
Погоулять по морю, по синему:
«Молодец удалой, ты разбойник лихой,
Ты разбойник лихой, ты разгульный буян,
Ты садись на ладьи свои скорые,
Распусти паруса полотняные,
Побеги по морю по синему.
Пригоню тебе три кораблика:
На первом корабле красно золото,
На втором корабле чисто серебро,
На третьем корабле душа-девица».

(3, 24—25)

Глубочайшее понимание идейно-художественной специфики русского фольклора позволило Пушкину на оригинальной сюжетной основе создать произведение в подлинно народном духе. Здесь будет уместно сказать несколько слов об истории публикаций «Песен о Стеньке Разине». Они были напечатаны в 1881 году, но еще в 1928 году Б. Л. Модзалевский, крупнейший знаток биографии и творчества Пушкина, считал, что эти тексты представляют собой

³⁸ Там же. С. 18.

записи народных песен, сделанные Пушкиным.³⁹ Это не случайная ошибка: разинский цикл Пушкина очень близок к народным песням. В пушкинское время многие поэты стремились овладеть секретами творчества в фольклорном стиле. Пушкину, движимому огромной любовью к народной поэзии, это удалось вполне.

В третьей песне пушкинского цикла вновь является «поэтическое лицо» Стеньки Разина. Он чрезвычайно остро ощущает свою зависимость от окружающего мира: глядя «на матушку на Волгу», Стенька принес в жертву то, что она, оживотворенная его поэтическим сознанием, требовала себе, и вот, в финале произведения герой Пушкина явственно слышит любовный призыв некоей власти, слившейся в его восприятии с жутко-прекрасным разгулом воздушной стихии. В плане онтологическом эта зарисовка Пушкина имеет огромную ценность. В ней Пушкин представил начальный момент персонификации язычником одной из природных стихий. Поэтическая одаренность человека, способного к общению с природными силами, играла при этом решающую роль.

Кого же слышит пушкинский Стенька в реве «погодушки»? Кто это — бог древних славян Род, сидящий на воздухе, или «князь воздушный», об опасностях общения с которым настойчиво предупреждала христианская традиция? «Молодец удалой, ты разбойник лихой, / Ты разбойник лихой, ты разгульный буян», — к самым разрушительным силам Стенькиной души обращены слова загадочной «погодушки». Поразительно, что для Стеньки это вновь, как и при взгляде «на матушку на Волгу», призыв к убийству... В третьем стихотворении пушкинского цикла вовлеченность человека в бесовский разгул воздушной стихии, как бы снижаясь, постепенно достигает земли. Что же сулит «погодушка» внемлющему ей герою? Все оборачивается приманкой тривиальных богатств и наслаждений («три кораблика» с золотом, с серебром, с «душой-девицей»),⁴⁰ которыми завладеет «разгульный буян».

Проблема национальной языческой мифологии, затронутая поэтом в «Песнях о Стеньке Разине», волновала многих русских литераторов начала XIX в., двигавшихся в русле все нараставшего романтического по своей природе интереса к духу народа и его поэзии.⁴¹ На этом пути рождались самые фантастические представления о славянской (и в том числе русской) древности, характерные для фольклористики того времени. Пушкину были чужды домыслы о языческой мифологии славян. В «Песнях о Стеньке Разине» Пушкин дал свой ответ на вопрос о русском язычестве, основанный на выводах, которые он сделал, изучая фольклор русского народа, а также и на чисто интуитивном прозрении глубин своей поэтической души. Языческое многобожие живет в сердце человека, страстно отзывчивого на призыв мировых стихий и прикованного к ним какими-то художественными особенностями своей натуры. Жертвенник язычника — его сердце, поэтому священному огню языческих мистерий никогда не суждено погаснуть.

В своем песенном цикле Пушкин постарался передать любовь народа к Стеньке Разину. Создавая его, поэт, видимо, стремился заполнить пробелы в репертуаре народных песен о нем, при этом он выверял написанные им песни определенным историческим источником. Стихотворения цикла, основанные на трех астраханских эпизодах из жизни Разина, показали возможность творчества в народном духе, не вступающего в противоречие с исторической правдой. Для 20-х годов XIX в. это было подлинно новаторское произведение.

³⁹ Пушкин. Письма / Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского. М.; Л., 1928. Т. 2. С. 253.

⁴⁰ Об этом мотиве народных песен см.: Соколов М. Г. Песни А. С. Пушкина и крестьян Саратовской губернии о Стеньке Разине. Саратов, 1902. С. II.

⁴¹ См. об этом: Азадовский М. К. История русской фольклористики. М., 1958 [Т.] 1. С. 128—133, 173—174 и др.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР XXX

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«НАУКА»

1999